

Василий Воронов

ПРОСТИ, МАРУСЯ

Рассказ

1

Василий Афанасьевич Воронов родился в 1948 году в хуторе Ющевка Землянского района Воронежской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал сотрудником районной газеты, редактором Ростовского книжного издательства, главным редактором журнала «Дон». Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Виталия Закруткина (1997). Автор многих книг прозы, изданных в Ростове-на-Дону. Живет в станице Старочеркасской Аксайского района Ростовской области.

Укриницы Глубокой на окраине Загряжска после выпускного вечера три друга объяснились в любви к однокласснице Марусе. — Выходи за меня! — шепотом сказал Алешка Родин и робко взял девушку за руку.

Маруся засмеялась и убежала к веселой компании.

Богдан Песоцкий отозвал Марусю в сторонку и сказал, сильно волнуясь:

— Я люблю тебя...

Девушка засмеялась и опять убежала к одноклассникам.

Потом к Марусе подошел Саша Райзер и прошептал на ухо:

— Мы созданы друг для друга...

Маруся закрыла лицо платком и умоляюще попросила:

— Сейчас не надо...

Через некоторое время три друга назначили Марусе встречу и собрались у криницы. Маруся села на скамейку, а ребята молча стали перед ней, как на линейке. Саша Райзер чуть наклонился и сказал за всех спокойно и рассудительно:

— Маруся, у нас нет тайн друг от друга. Ты нравишься нам. Выбери сама, и мы все останемся друзьями. Выбери прямо сейчас...

Повисла требовательная тишина.

Маруся часто задышала, заплакала и крикнула отчаянно:

— Мальчики, я люблю вас всех!

И убежала, умчалась, не оглядываясь.

2

Одноклассники затерялись на просторах страны.

Алешка Родин стал морским офицером, командиром подводной лодки. Прошел все моря и океаны, повидал множество стран и уже по заслуге лет бросил якорь во Владивостоке. Пожил на пенсии некоторое время в пустой квартире. Вкусил все прелести вольной холостяцкой жизни. Жена капитана давно бросила его, сошлась с командированным железнодорожным начальником и вместе с пятилетним сыном укатила с сожителем куда-то на юг, не оставив адреса. Молодой пенсионер Родин, не потерявший армейской выправки и лоска, еще год томился в размышлениях, где обрести пристанище и чем заняться после расписанной по часам и минутам жизни. Пустота в душе давила и угнетала. Но в свой час судьба кинула капитану спасательный круг. Во время бессонницы точно ангел пошептал: Загряжск! Через месяц капитан Родин обнимал своих племянников у крыльца родительского дома.

Саша Райзер, младший отпрыск многочисленного семейства обрусевшего немца Готлиба, в восемнадцать лет стал перед выбором: ехать со всем семейством на родину предков в неведомый городок Альтруппин в Восточной Германии или оставаться один-одинешенек в Загряжске. Впрочем, выбора не было, воля отца была непреклонна. В Альтруппине умер дядя Готлиба, богатый вдовец и антифашист Александр Райзер. Он был коммунистом и еще с юности испытывал тайную любовь к России. Уже в нынешнее время он не раз звал племянника Готлиба вернуться на родину. Упрямый племянник вежливо отмалчивался, но однажды написал ответное письмо без обиняков. Что все семейство укоренилось в России. И он, и дети, и внуки нашли свое дело, породнились с русскими. Что у всего семейства хорошая репутация в Загряжске, а трое Райзеров повторно избираются депутатами в муниципалитеты. И он сейчас не желал бы ничего лучшего для своего семейства. «Мы все любим и чтим Вас, дорогой дядюшка. Молимся о Вашем здоровье и надеемся увидеться с Вами в будущем голу после уборочных работ на нашем поле».

Дядюшка, тем не менее, заранее написал завещание племяннику Готлибу почти на все немалое имущество своей животноводческой фермы, оставив какие-то мелочи близким родственникам. И почил, оставив всех в недоумении и обиде. Готлиб с семейством, разумеется, перебрался в Альтруппин. Сашка Райзер показал норы. Перед самым отъездом родителей скрылся у друга Богдана, оставив записку: «Я выбрал свое. Не судите меня. Александр».

Вечером друзья сидели в маленькой комнате Богдана, запершись от назойливого и любопытного дедушки Ёси, опекуна Богдана. Ребята обдумывали, куда податься после школы. Хотелось в Ростов, в Воронеж, в Москву. В университет или в военное училище. Но мечты как-то обвяли, денег не хватало даже на дорогу. Богдан вздохнул мечтательно:

— Найти бы клад какой-нибудь, разбогатеть, тогда и в Москву можно, прямо в МГУ...

— Дурак думками богатеет, — осадил друга Санька. — Там нас ждут не дождутся, в МГУ... Сначала на штаны заработать надо!

— Ты немец, у тебя мозг капиталистический, придумай дело, чтобы деньги платили.

— Есть дело. Пойдем завтра в колхоз, к Жуку...

Председатель колхоза «Загряжский» Егор Егорович Жуков, Герой Социалистического Труда, семидесятипятилетний ветеран, сидел у руля бесшумно сорок лет. Один из немногих, кто сохранил хозяйство, преобразовал в новую форму собственности и в условиях беспривязного рынка сберег и производство, и рабочие места, и людей.

Председатель встретил ребят, почесывая затылок и как-то ехидно улыбаясь. Он давно настороженно и сомнительно приглядывался к молодым. И не мог старик уяснить самому себе, кто они, эти ребята? Есть зародыш, или куда ветром понесет? Похожи эти хлопцы на него, восемнадцатилетнего, или совсем не родня? Иная речь, другие песни? Эти вопросы не находили согласия в голове ветерана. Он чувствовал, что прошел мимо своих детей и внуков, а поворотить назад нельзя. Дети и внуки топаят по своим неизведанным стезям, а отцы и деды с грустью глядят им вслед. Вечная библейская грусть. Старик понимал умом, а сердце роптало.

— А что, хлопцы, в колхозе всем места хватит! С чего начнем трудовую биографию?

Председатель весело встретил Богдана и Саньку в кабинете. Ребята молча переглядывались. Егор Егорович усадил друзей напротив себя и попросил сказать, какие у них виды на конкретное дело и на жизнь вообще.

— Планов много, — длинно вздохнул Богдан. — Хочется в университет попробовать. На инженера или ветеринара.

— Я экологом буду, — спокойно, как о давно решенном, сказал Санька.

— Добре! За чем же дело?

Санька рассудительно объяснил, что дело за малым, нужны деньги. И деньги большие. Даже если поступить в университет на бюджетное обеспечение, то прожить на стипендию нельзя. Значит, нужно заработать на учебу. Ребята готовы трудиться чернорабочими.

Жуков одобрительно хмыкнул.

— Добре, хлопцы! Лет за десять заробите на университет, в рот ему дышло! Теперь послушайте старика. Беру вас в колхоз, в распоряжение бригадира. У нас не хватает молодых и здоровых на разные трудоемкие работы. Покажите себя, на что вы годны. Да послужите в армии. А когда вернетесь, напишу вам бумагу в университет, что колхоз нуждается в специалистах и оплатит вашу учебу.

Ребята не ожидали такого поворота и заметно повеселели. Не скрывал удовольствия и хитрый Жук. Он только уточнил:

— Ты, стало быть, Райзера сынок?

Санька не без гордости кивнул.

— Почти все твои родичи были примерными колхозниками. А твой папаша Готлиб заведовал колхозной пасекой. Жаль, что уехали, но я не осуждаю. Понятно, там родина, наследство... А тебя хвалю за то, что остался. Ты русский немец, тут твоя родина.

Жуков внимательно посмотрел на Богдана.

— А ты из Песоцких, деда Ёськи внучек...

Богдан не преминул поддакнуть:

— Из русских поляков! От большой семьи только мы с дедушкой остались.

— Мы с Иосифом в одной части служили. Он в разведке лучшим снайпером был. Передай ему привет и вот этот подарок.

Жуков достал из стола коньяк в коробке.

— Знаю, дед любит побаловаться...

3

С легкой руки загряжского председателя Богдан Песочкий и Александр Райзер окончили университет и вернулись специалистами в колхоз, на родину. Но, увы, там уже были новые хозяева и новое хозяйство — холдинг «Альтернатива». После смерти Жукова был долгий передел собственности местных сельхозпредприятий, тяжбы по купле-продаже пахотных земель. В итоге бывшие тридцать колхозов и совхозов крупного района оказались в руках одного хозяина, входившего в сотню самых богатых землевладельцев страны.

Молодого ветеринара Богдана взяли на работу по контракту. А в экологе Александре Райзере холдинг не нуждался. Русский немец проявил смекалку и расчет. Он защитил в областном правительстве коммерческий проект, взял кредит в банке и учредил свою фирму «Загряжский мед». Закупил две пасеки на колесах, бытовой вагончик для двух работников и необходимое оборудование для ухода за пчелами. В фирму входила также арендованная криница Глубокая и прилегающая к ней часть поймы со столетними шелковицами и дубами вдоль ручья, берущего начало прямо из криницы.

4

Марусю после школы пригласила к себе в курортный город тетка по матери, Варвара Гавриловна. Она недавно похоронила мужа-бизнесмена и унаследовала немалое состояние. Варвара Гавриловна обещала сестре, Татьяне Гавриловне, помочь племяннице стать на ноги, получить образование и, даст Бог, выдать замуж за хорошего человека. Родители Маруси всю жизнь работали в колхозе: мать дояркой, отец плотником; капиталов не нажили и не могли дать дочери то, что обещала Варвара. Татьяна с мужем, Игнатом Ефимовичем, бывали у Варвары в ее подстриженной и спрятанной за забором усадьбе на берегу моря. И чувствовали себя не в своей тарелке. Через пару дней начинали скучать и скорее собираться до дому. Варвара, попыхивая сигаретой, по-простецки ласково напутствовала:

— Валите в свою Тьмутаракань, раз не умеете расслабиться по-людски!

Марусю Варвара Гавриловна встретила на большой открытой веранде в коляске, накрытой шерстяным пледом, хотя на дворе стоял августовский зной. Она выглядела старше своих семидесяти лет. Крупные черты лица и седина утяжеляли красивую породистую голову. Вежливая улыбка тронула тонкие твердые губы.

— Миленькая! На мордочку вся наша! И брови, и нос, и ямочка на подбородке. Иди сюда, поцелуемся...

Обитель Варвары располагалась на большой зеленой поляне без кустов и деревьев. Всю усадьбу с домом и хозяйственными постройками опоясывал высокий кирпичный забор, за которым видно было только небо и верхушки кипарисов на улице. Серый дом с низкой черепичной крышей

наполовину уходил в землю, в каменистое плато. Овальная горбатая крыша делала его похожим на земляную жабу. Но внутри были высокие светлые потолки, веселые обои на стенах и простая деревянная мебель. Марусю поселили в отдельных апартаментах с двумя небольшими комнатами и кабинетом. Самую большую комнату, когда-то служившую залой, занимала сама хозяйка с постоянной глухонемой сиделкой. Через толстые стены не слышны были скрипучие шумы улицы, рваная музыка и ленивое жужжание загорающей курортной толчеи. Лишь море в непогоду колебало застывший воздух в сером доме и стонало, ломилось в мокрые окна.

Чудно, одиноко и жутко показалось девушке в этом доме.

Рядом, за порогом, работали, разговаривали и смеялись живые люди. На зеленой поляне стрекотала газонокосилка. Старичок-садовник Егорович в резиновом фартуке и в защитных очках выбривал траву, как в парикмахерской, и от стрижки пахло цветочным одеколоном. Возле летней кухни толстый охранник Толик громко рассказывал кухарке Фросе охальный анекдот про тещу. Румяная Фрося икала от смеха и колотила Толика по спине мокрыми кулаками. Неженатый шофер Славик тайком подглядывал за ними из открытого гаража и ожесточенно скреб затылок.

Постепенно Маруся познакомилась со всеми работниками в усадьбе, и ее принимали за свою. Угощали копченой барабулькой, персиковым вареньем и пикантными новостями из жизни курортников. Тетка не одобряла знакомства и разговоры с прислугой. Она с упреком качала головой и как-то недобро говорила, отводя глаза в сторону:

— Шпионы! Тут одни шпионы!

Маруся заканчивала медицинский колледж и считала дни, когда вернется в Загряжск. За два года она не очень сблизилась с теткой, более того, иногда со страхом чувствовала на себе чужой недоверчивый взгляд. Тетка никогда не спрашивала племянницу о Загряжске, о родственниках. И вообще мало разговаривала. Что-то мешало, сдерживало Варвару. Какая-то тайна витала в пустых комнатах ее сумрачной обители. Марусе казалось, протри запотевшее окно — и увидишь старинный собор с колокольной, широкую излучину Дона и маленький паром, ползущий на тросе поперек течения. За бором — обветшавший родительский дом, казачий курень с высоким крыльцом, с баясами вокруг окон, с резными ставнями и наличниками.

На столе у Маруси на подставке — фотография в рамочке. Снимок сделан после выпускного вечера у криницы Глубокой. Трое ребят и она, Маруся. Взявшись за руки, ребята смеялись, запрокинув головы. Живописная группа отражалась в темной воде вместе с высоким небом и низкими, с золотым подбоем, облаками. Криница, юность и небеса... Как драгоценно, как много и подробно остановило мгновение! Она поцеловала фотографию. Во сне Маруся долго и облегченно плакала, обливаясь обильными теплыми слезами.

У Варвары Гавриловны была богатая биография.

В начале семидесятых девушка из Загряжска училась в медицинском институте в Ростове-на-Дону. Она выделялась среди однокурсников необычной внешностью. Толстая коса цвета спелого овса с металлическим

отливом. Пухлые непослушные губы, приподнятый тонкий нос. И большие глаза с восточным косым разрезом, тающие от какого-то внутреннего томления. Холодные обжигающие очи Архангела в упор глядели на вас! И сосало под ложечкой, учащались пульс и сердцебиение. Тайком вздыхали бывалые профессора-сердцееды. Облизывались сокурсники.

Арсен Бараташвили не мог пройти мимо Варвары. Он был сражен при первой встрече в городском парке. Просто онемел. Молчал и дрожал. Девушка прошла мимо и... оглянулась. В эту секунду, наверное, и произошел роковой разряд.

Бедный студент обходил стороной Варвару, избегал даже мимолетной встречи. Грузинская кровь кипела, мысли неслись вростопырку. Тающий взгляд Варвары прожег, парализовал сердце юноши. Неожиданно он уехал домой в Сочи.

Вернулся в институт как из больницы — худой, небритый, но живой. В тот же вечер назначил Варваре встречу в парке. И вот что сказал влюбленный.

— Уважаемая красавица Варя! Я скажу тебе про хорошего человека. Несчастливого человека. Недавно в этом парке он встретил взгляд, глаза... Они обожгли его, как шаровая молния. И теперь он не может жить, как вчера. Чужой для всех, и все чужие для него. Солнце зашло, и нет расвета. Он убежал из Ростова домой, в Сочи. Кушать не хотел. Только стучал зубами от лихорадки. Отец потрогал лоб и вызвал доктора. Больной рассказал про шаровую молнию. Доктор весело сказал отцу: «От любви у меня нет рецепта». Потом отец расспросил сына подробнее. «Ты еще глуп, сынок, — сказал отец. — Поезжай в Ростов и смело откройся девушке!»

Уважаемая красивая Варя! Перед тобой стоит этот несчастный человек. Если не можешь помиловать, я дам кинжал, отсеки голову, и я умру счастливым. Без тебя мне темно на белом свете...

Арсен замолчал, замер, только ноздри нервно подрагивали. Варя долго пристально смотрела ему в глаза, потом громко засмеялась и порывисто пожала руку:

— Рада познакомиться!

6

Они поженились через год, а свадьбу решили сыграть в Сочи, в ресторане отчима Арсена, известного в городе как дядя Жора.

Арсен рассказал Варваре о своей родне, о дяде Жоре, о матери, Этери Бараташвили, вышедшей вторым браком замуж за дядю Жору и умершей при родах в тридцать семь лет...

— Ты княгиня! — пылко говорил Арсен. — Моя княгиня!

Он показал жене большой плоский медяк на золотой цепи. На изъеденной коррозией красной меди едва угадывался какой-то герб и неразборчивая надпись.

— Это герб четырнадцатого века князей Бараташвили. На нем девиз: «Честь превыше всего». Все Бараташвили служили грузинским царям, а я буду служить тебе, царица Варвара!

— Дядя Жора твой отчим?

— Да, он из персидской диаспоры армян. А мой родной отец погиб во время венгерских событий в 1956 году, когда мне было шесть лет. Дядя Жора заменил отца. Он великий человек, сама увидишь. Многим людям в городе помогает. Дом построить, газ подключить, работу дать, детей

пристроить. Все идет к нему. Армяне называют его «почитаемый Георгий». Он богатый человек, за ним большой бизнес. Рынки, мясокомбинат, магазины, заправки, ресторан, много всего. Я слышал, что он три раза сидел в тюрьме... Однажды я спросил об этом. «Это, сынок, долгая и нехорошая история...» И больше никогда не вспоминал об этом. Но он замечательный человек, зарабатывает своим умом. Одна московская газета обвинила его в связях с мафией. Дядя Жора попросил газету открыть в городе прямую линию с анонимными обращениями горожан. Газета согласилась и принимала жалобы и обращения в течение года. После появилась статья «Капиталист дядя Жора в людской молве» с извинениями редакции. Эта история имела большой резонанс в городе. Ты узнаешь и полюбишь дядю Жору, я не сомневаюсь.

Арсен привез Варвару в Сочи накануне свадьбы и познакомил с дядей Жорой в ресторане, где уже готовили зал к торжеству. Хозяин удивленно пошевелил косматыми черными бровями и по-родственному обнял невестку.

— Наши мужчины немножко корявые, будешь улучшать породу. Наш дом — твой дом, русская дочка!

Дядя Жора был велик ростом, широк в кости, голова с густой курчавой шевелюрой напоминала стареющего циркового льва. От великана исходило тепло и простота ребенка. Варваре захотелось потрогать его толстый палец, убедиться, что он настоящий. Она смущенно и растерянно улыбалась, ближе прислонившись к Арсену.

— Сколько гостей будет, отец?

Дядя Жора вопросительно махнул ладонью.

— Ой, будет? Может, двести, может, триста будет...

7

Что за роскошь кавказская свадьба!

Огромный жарко освещенный зал ресторана по всему периметру заполнен праздничным застольем. Торжество и важность минуты отражается в глазах гостей. Тихий гул голосов затухает, когда за главным столом, где сидят молодожены, встает тамада. Уважаемый аксакал в черкеске пошевелил рыжими усами, сделал строгое, почти свирепое лицо. Медленно оглядел зал, поднял руку и, как полководец перед сражением, прокричал фальцетом:

— Уважаемые, дорогие, почитаемые! Мы собрались, чтобы радоваться и праздновать самое главное событие на земле, союз любви и продолжение жизни. Перед нами джигит Арсен и красавица Варвара. Выпьемте из большого рога за новую семью!

Кривой буйволовый рог в золотой оправе наполнили красным вином и пустили по кругу. К главному столу подошли музыканты, отец и сын. Гортанно заплакал дудук-отец, нежным баском поддакивал аккордеон-сын. Микрофон усилил звук, зал заполнила старинная армянская песня: «О, любимая, любимая...» Следом музыканты исполнили грузинскую «Сулико», потом свадебную величальную «Виноград я садила...»

Пока церемониальный рог обходил столы по кругу, дудук с аккордеоном исполняли поочередно известные цыганские, украинские, белорусские мотивы... За музыкантами поочередно пошли тосты и пожелания, мудреные и забубенные, кучерявые и простые, соленые и романтические. Черноморский грек-винодел с философским дипломом сказал тост, кото-

рый через неделю повторяли на свадьбах по всему побережью, вплоть до Пицунды и Сухуми. Обращаясь к молодоженам, философ сказал примерно так:

— Я желаю Арсену и Варваре жить счастливо и богато и умереть в один день. И чтобы положили их в один гроб. А гроб чтобы сделали из досок столетнего дуба. А дуб этот я посажу сегодня в своем палисаднике...

Гости подивились мудрости грека с философским уклоном и долго аплодировали.

Тамада объявил танец молодоженов. Скрипка с оркестром нежно, невесомо тронули мотив:

Снова цветут каштаны,
Слышится плеск Днепра...

На середину зала выплыла белоснежная пара. Словной ветер подхватил сплетенные руки, выгнутые в талии спины, чуть откинутае назад напряженные головы. Пара летела, кружась и рассекая воздух, шелковое платье надувалось, как парус, черные локоны плавно пружинили на поворотах. Партнер уверенно прибавлял сумасшедший полет, она трепетала, закрыв глаза... Это были великие, волшебные минуты, которых не так много в жизни человека. Гости аплодировали, женщины плакали.

Танец ступевал и затмил выступление известного московского артиста в голубом пиджаке, усыпанном стеклярусом. Певец целый час пружинисто бегал по скользкому паркету на высоких ковбойских каблуках, страстно заламывал руки, брал самые высокие ноты, подтанцовывал и посылал на столы воздушные поцелуи. Свадьба жиденько поаплодировала. Артист обиделся, выпил коньяк, не закусывая, и убежал в гостилицу.

Дудук, аккордеон и зурна с барабаном заиграли лезгинку. На середину залы выскочили два джигита в черкесках. Вытянутые в струну точеные ноги бесшумно строчили по паркету. Джигиты летали по кругу, синхронно выкидывая руки, резко дергая шеи в пол-оборота, от плеча к плечу. Танцоры крутились винтом, то расходясь, то сближаясь в одно целое, поднимая за собой освежающий наэлектризованный ветерок. Волшебство длилось несколько минут. Разгоряченные джигиты сходу пали на колени и замерли в поклоне. Свадьба взорвалась восторгом. Гости, стоя, бешено хлопали в ладоши и скандировали: «Асс-а-а-а! Асс-а-а!..»

Только один человек из всей шумной компании не пил, не ел и не веселился. Дядя Жора сидел за столом рядом с молодоженами, прикрыв глаза и подперев голову ладонью, как уставший человек. Он думал о чем-то в полудреме. И мысли были далеки от свадьбы и суеты.

8

Арсен погиб на горной дороге, столкнувшись на своем джипе с встречным грузовиком. Это случилось через месяц после свадьбы. Дядя Жора послал сына с каким-то важным поручением к своему партнеру в Гагры. Пошли слухи о намеренном убийстве, о заранее подготовленном ДТП. Трудно было поверить в случайность. Опытный водитель грузовика без видимых причин выскочил на встречную полосу перед самым носом джипа...

Свадьба и похороны. На бедную Варвару больно было смотреть. В старушечьем ситцевом платке, в длинном черном платье, она состарилась на десять лет. Жизнь остановилась за высоким забором усадьбы с газонами, подаренной дядей Жорой молодоженам.

Дядя Жора приходил каждый день. Садился в кресло напротив Варвары, и оба подолгу тупо молчали. Молодая толстощекая повариха приносила чай. «Это азербайджанский?» — сонно спрашивал дядя Жора. «Это наш, краснодарский!» — весело отвечала повариха. «А я люблю английский», — рассеянно вставляла Варвара. Перед уходом дядя Жора брал Варвару за руку и задумчиво вздыхал: «Ну, до завтра. Что тебе принести?» — «Ничего». Нудно и монотонно тянулись дни. А через год Варвара сняла траур и засобиралась в Ростов...

Дядя Жора пришел с цветами и как-то возбужденно и решительно объявил с порога:

— Ты не поедешь в Ростов! Ты никуда не поедешь!

Варвара услышала что-то новое в голосе и внимательно смотрела в смелые, даже настырные непривычные глаза свекра.

— Ведь ты не хочешь оставить меня одного? Не хочешь моей смерти? Не хочешь? Нет?

Варвара подошла к нему, как доктор подходит к ребенку, потрогала холодной ладонью горячий лоб и тихо сказала, отводя глаза:

— Я согласна, Георгий...

9

Ректор Максим Анатольевич велел позвать студентку Марусю. Девушка числилась среди самых перспективных выпускников.

— Какие у тебя планы? — молодой начальник по-отечески участливо спросил студентку. — В смысле работы?

— Вернусь домой, в Загряжск...

Ректор молчал и внимательно смотрел на девушку.

— Мы могли бы найти место в колледже.

Маруся поблагодарила и сказала, как о деле решенном:

— Родители ждут, и работа в городской больнице есть.

Максим Анатольевич понимающе кивнул и достал из кармана визитку.

— Кстати, вчера у меня был мой студенческий друг из Луганска, хирург и начальник военного госпиталя, Коцюбинский Валентин. Он просил меня подыскать операционную сестру. Возьми визитку, хорошенько подумай и позвони. В любом случае, желаю тебе счастливой судьбы.

Через неделю Маруся вместе с хирургом Коцюбинским оказалась в Луганске.

Не спрашивай, читатель, чем взял, что посулил ей незнакомец. Во всяком деле прячутся тайны. Молодые девушки ветрены и порывисты, как майская погода. Разве вы не были в молодости доверчивы и порывисты?

Маруся стала помощником хирурга. А через время они обвенчались в церкви. Большая война на Донбассе только начиналась.

«Меня пригласили в Луганск на работу в военном госпитале, — писала Маруся брату Антону в Загряжск. — Я рада, что уехала от тетки, у меня с ней не заладилось с самого начала, хотя я ее люблю и благодарна за ее заботу. Я неожиданно вышла замуж за хирурга, с которым работаю. Он необыкновенный человек. Внучатый племянник украинского писателя Коцюбинского. Деликатный до робости, хотя и профессор. Тут каждый день стреляют со стороны Киева, много раненых, детей много. И хоронят часто. Я упала в обморок при первой операции, когда извлекали у солдата крупный осколок из брюшной полости. Муж сказал: “Переве-ду тебя в патронаж”. Я заревела и в ярости кинула в него подушку. Он

стасялся: “Вот такая ты мне и нужна!” С тех пор я стала носить гимнастерку с погонами, ведь еще в колледже получила звание сержанта медицинской службы. В гимнастерке нельзя плакать и падать в обморок. Работаем мы с Валентином, как и весь персонал, по двенадцать часов — случается, по четыре-пять операций в день. Я счастлива, что могу выдержать такой сумасшедший ритм. Когда своими руками спасаешь разорванного миной солдата или раненого снайпером ребенка, то ощущаешь себя верхом на облаке. Да, брат, я счастлива и люблю вас всех!..»

10

Прошло много лет. В Загряжске мало что изменилось.

Райзер женился на местной учительнице, много моложе себя. У них четверо детей. Двое ребят живут и работают в Воронеже, оба инженеры-программисты в крупной дорожно-строительной компании. Две девочки учатся в педагогическом колледже.

Райзер расширил свою пасеку и усовершенствовал продажу меда. Зарегистрировал товарную марку «Мед Загряжский. Цветочный». К каждой баночке прилагался сертификат качества Московского НИИ пчеловодства. Расфасовка в специальных баночках с золотыми этикетками от 100 граммов. Весь мед по договору закупал крупный торговый центр в Ростове-на-Дону. Бизнес приносил немалый доход.

Богдан Песоцкий женился на лаборантке из ветеринарной лаборатории, у них трое сыновей школьников. Богдан кроме основной работы в агрохолдинге разводит на продажу охотничью породу таксы. Натаскивает щенков на специальных норках для охоты на лису, барсука и сурка. На обученных собак поступают заявки из многих городов. В охотничьих обществах таксы от Песоцкого считаются едва ли не лучшими и стоят дорого.

Алексей Родин живет пока у племянника. Его пригласили преподавателем в местный колледж. Но по совету Райзера он обдумывает открыть свое дело.

11

О трагедии в Луганске сообщили многие СМИ. Машина, в которой ехала семья начальника военного госпиталя Валентина Коцюбинского, ночью попала в засаду. Диверсанты в упор расстреляли машину. Восемнадцатилетняя дочь Валя погибла на месте, а раненых родителей и шофера диверсанты увезли с собой. Позже стало известно, что доктор Коцюбинский скончался, не приходя в сознание, а его жена Мария находится среди пленных.

Марусю освободили через год при очередном обмене пленных. Она едва передвигалась на костылях, потухшая, худая, с чужим невидящим взглядом. Пуля раздробила ей колено, рана без операции долго заживала и гноилась. Марусю надолго уложили в отдельную реанимационную палату.

Когда вернулась домой, в пустую квартиру, схватилась за сердце и долго плакала без слез. Ее наградили орденом, дали премию и путевку в санаторий. Новый директор госпиталя назначил ее консультантом в операционной. Но не было жизни в ее глазах, и ничто не могло вывести из оцепенения. От брата Антона пришло письмо.

«Дорогая сестра Маняша! Мы с Клавой обрадовались до слез, что ты жива и теперь, слава Богу, дома. Камень с души свалился. Приходили твои одноклассники Богдан и Райзер с Алешкой Родиным. С ними был новый мэр Загряжска Агуреев. Алешка недавно приехал из Владивостока, вышел на пенсию в пятьдесят лет. Была у него жена, но не дождалась мужа с подводной лодки. Слишком долго плавал. В общем, один приехал, холостой. Простой и отзывчивый, каким был, таким и вернулся. Хотя по званию, чуть не генерал. Не бахвалится и не болтун, настоящий мужик.

Так вот, скажу, зачем твои одноклассники с мэром приходили. Держись крепче, а то упадешь. Они хотят построить для тебя дом рядом с криницей. Райзер Сашка сам выбрал место и выкупил участок. Все расходы оплачивает мэр Агуреев, а тебе послали приглашение принять в подарок дом и приехать на родину насовсем, желательно к концу лета. Даже не верится, что тебя так ценят и почитают земляки. И у меня, конечно, гордость за сестру распирает! Так что, выздоравливай и возвращайся поскорее. Сашка Райзер готов хоть завтра приехать за тобой на своей машине. Тут все свои люди и, главное, твои друзья и мы с Клавой. И беды забудутся, и раны заживут.

Ребята и молодой мэр Агуреев велели передать тебе большой привет и горячий поцелуй. И от нас с Клавой тоже. Вместе с письмом посылаю фото твоих одноклассников и мэра Агуреева. Твой единственный брат Антон».

Маруся перечитала письмо и долго рассматривала фотографии. Ребята стояли, обнявшись; мэр — чуть в сторонке. Родные, близкие и все такие же узнаваемые, чуть огрубевшие лица. Накатило далекое, теплое, волнующее. Она невольно улыбнулась. Хотелось думать о Загряжске, о давно ушедших родителях, о несбывшихся девичьих грезах, о счастье... Но думалось о прожитой в этом краю долгой и жестоко разорванной жизни. Была семья, госпиталь, была война, было много смертей...

Маруся посмотрела в зеркало. Резче обозначились складки вокруг губ. Затвердел взгляд. На висках и на челке засветилась седина. Как быстро, как мучительно быстро все случилось! Неужели осталось теперь только плакать и вспоминать. Она, конечно, поедет в Загряжск...

12

Друзья-одноклассники встретились у криницы Глубокой. Ждали Марусю. Брат Антон заранее предупредил о ее приезде.

Александр Райзер на правах хозяина в белом фартуке не спеша накрывал стол в просторной деревянной беседке под зеленым с мощной кроной дубом. Александр Родин и Богдан Песоцкий ходили босиком по мягкой траве вдоль ручья. По пойме стлался сизый дымок от костра. Со стороны Загряжска взрывали тишину гудками большие туристские теплоходы. Ранняя осень уже покрывала померанцем байрачные леса, трогала охрой лысые меловые бугры правобережья Дона. В воздухе невесомо плавали длинные нити липкой паутины. Пахло медом, яблоками и розовощекиным детством.

Александр, на ходу вытирая руки полотенцем, подошел к друзьям.

— У меня все готово. Будем ждать?

— Подождем, конечно!

Через час Алексей Родин позвонил брату Маруси, Антону. И объявил: — Сейчас он подъедет. У него какая-то важная информация.

Скрипнули тормоза, из «жигуленка» выпрыгнул Антон и смущенно развел руками.

— А Маруся уже уехала!

— Как?! Куда?!

— Домой, в Луганск! Я только что проводил ее...

И сбивчиво рассказал, что случилось.

— Марусю из Луганска привез на УАЗе шофер. Рано утром. Клава накормила гостей, и мы вместе поехали на кладбище. Проведали родителей, обошли могилки всех родичей. Зашли в Преображенскую церковь. Поставили всем свечки. Маруся написала список и заказала батюшке поминальную. Потом долго колесили по Загряжску. Маруся вспоминала знакомые с детства места, просила остановиться. Выходила из машины и все смотрела, смотрела... У криницы тоже стояли. Набрали в бутылки воды и присели на скамейку. Маруся пила воду из алюминиевой кружки на цепочке и улыбалась: «И цепочку помню!..» Я сказал, что в беседе возле дуба скоро встреча с одноклассниками. Она попросила немного отдохнуть перед встречей. «И шофер устал, пусть поспит...»

От прежней Маруси мало что осталось. Ходила с костылем мелкими шажками, сильно хромала. Руки тряслись. Вымученно улыбалась, стесняясь своей немочи.

Проснулась она часа через два, позвала меня и попросила сесть рядом.

— Ты любишь меня и поймешь, дорогой братец. Видишь, какой я стала? Полная развалина. Не хочу, чтобы ребята увидели меня такой... Не хочу и не буду обузой никому. Там, в госпитале, за мной присмотрят. Да я еще сама поскриплю, консультировать буду в операционной... Там вся моя жизнь, и могилы зовут, и война. А ведь ехала сюда с мыслями остаться на родине. Но не смогу... Прости, брат! И ребятам скажи, пусть не поминают лихом.

Друзья молча выслушали Антона с чувством большой потери. Переглянулись виновато. Кто-то за всех сказал:

— И ты прости нас, Маруся...

